

25 Фев 1986

КУЛЬТУРА
г. Москва

Виталий Коротич

ЕДИНСТВОМ СИЛЬНЫ

Что за художник, если он не Личность?!
Но в сообществе каждая Личность усиливается другой,
а в условиях гласности только и возможно
работать с полной отдачей.

НЕДАВНО в Черновицкой области я узнал историю, больше похожую на легенду. Ведущий отделом пропаганды и агитации обкома партии Василий Васильевич Васкан рассказал о человеке, роющем колодези. Живет человек этот в селе Россошаны Кельменецкого района: он уже немолод, ветеран Великой Отечественной... Надо сказать, что на Буковине едва ли не каждый крестьянский двор имеет собственный колодезь — чтобы чистой воды было вдоволь и для себя, и для всех. А если нет хозяина, который бы мог вырыть криницу? Вот и решил ветеран отрыть 67 колодезев, по числу односельчан, не возвратившихся с войны. «Это за Ивана», «Это за Петра», «Это за Федора»... — объявляет он год за годом, вот уже много лет верша свой великий замысел.

Песни бы писать о таком...

В Черновицкой области, на Буковине, и дома издавна ставят сообща, «клакой», как там говорят. Созывает будущий хозяин всех, кто может: иногда собирается с полдеревни строить застрашный дом... Это в народных традициях, в народном образе мышления — дом и душа творятся, сохраняются сообща. Понятие общего дела в народной этике необходимо крепко: общим делом, всем миром мы сильнее. Об этом корне души нельзя забывать.

Умение работать вместе с товарищем, а если надо — за товарища, умение ощутить плечо партнера по общему делу — как же следует культивировать эти качества, развивать их, гордиться ими!

ОЧЕНЬ важно, что билеты на новый спектакль по пьесе Миколы Зарудного «Бронзовая фаза» у меня спрашивали за несколько кварталов до Театра имени Ивана Франко. Спектакль имеет прямое отношение к разговору, который мы только что начали: он о деле, что зовется общим. Деле созидания и защиты Родины. Герой пьесы, человек незаурядный, забывает о смысле именно совместных усилий, ощущает себя царьком, великодушным одиночкой, способным вершить судьбы по своему разумению. И проигрывает, потому что союзниками его постепенно оказываются те, кто услужливо прилипает к душе, чтобы вползти в нее, выжигая, выедавая из человека духовность.

Можно было искренне порадоваться за ведущий драматический театр республики, бережно хранящий и последовательно реализующий в своем творчестве современную тему. Надо было порадоваться за драматурга. Я думал обо всем этом и оглядывал зрительный зал Академического театра, где среди зрителей было так немного коллег-писателей, совсем мало художников и композиторов, а режиссер — только один, да и тот пришел по личной дружбе. Оглядывая зал, я грустно подумал, что вот ушло время; Микола Платонович Бажан непременно здесь был бы — он не пропустил премьер, вернисажей, интересных концертов. Так же, кстати, как не упускал возможности внимательно пролистать свежие номера журналов и позвонить или даже написать авторам, что работа пусть минимально, а заинтересовала уже в первом прочтении. Он постоянно жил с ощущением того, что творится общее дело: это представляется мне чрезвычайно важным. Последние события в стране и мире, предсезонские партийные материалы, заявления руководителей страны подчеркивают, что на пути к будущему очевидна все большая сплоченность человеческих целей и дел, все большая плотность времени — очень важно это понять. Мне кажется, что мудрейшие из наших учителей понимали это всегда.

Почему я вспомнил о них? Иногда кажется, что многие трудности сегодняшнего литературного процесса связаны с тем, что из него ушли великие Личности, порядочные и мудрые старики, стоявшие еще у истоков Союза писателей.

Роль таких людей огромна: даже когда они не писали — поддерживали на плечах и репутациях груз морального авторитета нашей литературы, были поучительны на все времена. Само их присутствие сдерживало многих.

Среди таких определяющих людей мне необыкновенно дорог был Микола Платонович Бажан; среди его уроков едва ли не самый важный урок причастности к окружающей жизни. Немолодой академик и Герой, он постоянно занимался множеством дел самых разных людей, выезжал в Донбасс к избирателям, воспринимал писательство как составную часть бытия, честный труд, помогающий изменить жизнь к лучшему. Он ощущал собственные дни в общем дне, собственные поступки в общем деле. Углубляясь в слои времен, я встречался с именем Миколы Платоновича среди первых организаторов театрального и кинодела в Советской Украине, творца мостов культурного братства с другими народами, видел его фигуру в офицерской форме

среди тех, кто первым вступил в освобожденные нашей армией от фашистов города. Его жизненный принцип неизменно формулировался так: «А кто, если не я? Кто, если не мы с вами?». При этом он не искал оправдания ошибкам в увеличивающемся объеме работы — все четко помнил и оценивал, не позволяя себе ни безответственности домыслов, ни трусости забываний.

В конце своей жизни Микола Платонович Бажан написал удивительно яркие и честные книги воспоминаний, рассказывая о деятелях литературы и искусства, с которыми дружил и работал. Редактируя Украинскую Советскую Энциклопедию, он контролировал подготовку многих статей и справок. Всякий раз уточняя их личным своим знанием. Меня поражала и поучала постоянная погруженность Бажана в многообразие жизни, в том числе культурного бытия моего народа, и его связь — личная, жизненная — со всем интересным, со всеми достойными внимания личностями родной культуры.

ПОНИМАЯ и вспоминая такое, нельзя не задуматься о жизни сегодняшней, о том, почему само понятие «деятель культуры» становится все более ведомственным, что ли, все больше приписываемым к соответствующему творческому союзу, а не к тому понятию общего дела, о котором я себе позволил только что вспомнить.

Почему сегодня столь нечасты добрые знакомства и продолжительные личные контакты между художниками и поэтами, актерами и музыкантами? Во многих киевских театрах актеры тоскливо признавались мне, что практически не видят ни писателей, ни композиторов, не общаются с ними. Режиссер киевской оперы, народная артистка республики Ирина Молостова сетовала на то, что даже режиссеры и актеры из разных театров города на спектакли друг к другу не ходят. Особенно, если спектакль проходной, рабочий, без сенсаций. Во многих городах, к сожалению, это так.

Много говорится о том, насколько велики бывают потери на стыках производственных ведомств. Только ли производственных?

Как приблизить друг к другу творческие организации, чаще есего обезвешенные помещениями собственных ресторанов и клубов? Может быть, сделать так, чтобы членский билет одного из творческих союзов давал право на вход в здание любого другого? Может быть, создать клуб творческой интеллигенции не по ведомственному принципу? Может быть, в театральные районы больших городов возобновить работу кафе, где можно посидеть после окончания спектакля?

Не знаю. Готового ответа у меня нет. Но надо что-то делать.

Разговаривая с молодыми писателями, всегда пытаюсь выяснить, с кем из актеров, художников, композиторов, музыкантов они встречаются регулярно. Как правило, оказывается, что ни с кем. Прилагают усилия к тому, чтобы представители творческих организаций ходили на заводы целыми пленумами, шумно работали на субботниках в производственных коллективах, устраивали там литературные и музыкальные вечера. Много в таком общении хорошего, хоть немало и суетливой показухи. Но кто сказал, что сами творческие работники общаются между собой постоянно и что не бывает иначе? Кто сказал, что об этом не надо заботиться?

Мне кажется, тот факт, что немало композиторов сочиняют стихи для песен самостоятельно, режиссеры снимают фильмы по собственным сценариям, а поэты «нашаривают» аккомпанемент к стихам собственного сочинения в одиночку, свидетельствует не только о многочисленности одаренных натур, но и о необходимости искать выходы.

Конечно же, авторские фильмы Чаплина и Довженко, театр Эдуардо Де Филиппо, современная авторская песня в лучших ее образцах продолжают феномен авторских театров Шекспира и Мольера, трубадурского и кобзарского пения. Такое было и, хочется верить, будет всегда. Но правилом это стать не может, как любое незаурядное явление.

Очень важно находить созмеримость многих явлений в нашей культуре и в нашей жизни. Разобщенность во все времена уводила в провинциализм, в необходимость переизобретать велосипеды, оценивать сделанное с низенькой дворовой колоколенки, с которой далеко не видать. Групповщина, уже не раз и не два пытавшаяся растряссти наше единство, сращена именно с провинциализмом мышления и оценок, а самоедские толкучки мысли — именно в условиях отъединенности, высчитывания провинциальных табелей о рангах,

КОНЕЧНО, что за художник, если он не Личность?! Но в сообществе каждая Личность усиливается другой, а в условиях гласности только и возможно работать с полной отдачей.

Для морали искусства, для нормальной его жизни гласность крайне необходима. В ней защита от ретивых бюрократов и от провинциальных шептунов, высчитывающих корни собственных неудач не в собственной бездарности, а в чужих промисках да интригах.

Тезис о гласности не нов. И не новы истоки сопротивления ему. Не всем известны микробы, способные развиваться исключительно в бескислородной среде. Увы, есть и деятели искусства, способные процветать лишь при отсутствии свежего воздуха откровенных оценок. Здесь не все просто: в тени принципиальности привычно зашеваршат демагоги. Но все равно надо восстанавливать в себе умение обсуждать вопросы в широком кругу, скажем так, заинтересованных лиц.

Как бывает? Одни возмущаются, что никто не ходит на спектакль по их пьесе, не рецензирует их книжечку, а другие, напротив, только бы тихо было, только бы пронырнуть незамеченными. А незамеченных не должно быть. Иерархии духовных ценностей чрезвычайно важны.

Иногда у нас не пишут не только о всяких случайных явлениях, к искусству причастных неведомо каким боком, но и не спешат обращаться к настоящим явлениям культурной жизни. А то, что мы не выдаем реестров наиболее читаемых книг и не объявляем, напротив, какими книгами заготовлены склады, формально засекречивает то, о чем говорить бы да думать. Иные из нас и вовсе считают, что не надо обижать поэтов, чьи три-четыре последних поэтических сборника пылятся в ряд на полках, что не следует подчеркивать, насколько высока «золотая серия» советской литературы — неровен час обидится кто из литераторов, приподнятых должностью. Может быть, проблема и не только в этом, но она реальная и существует.

Мы непременно должны знать, кто у нас есть кто. Это никого не унижает и не является то ли патентом на гениальность, то ли свидетельством никчемности. Но понимание того, что и в каком порядке мы предлагаем собственному народу, должно быть с нами всегда, выверенное очень строго.

ВО МНОГИХ странах Запада в любой го-
стинице ящик вашей прикроватной тум-
бочки содержит одну и ту же книгу — Библию. Время от времени сообщаются тиражи и количество языков, на которых она издается, — цифра огромна. Книга распространяется в го-
стиницах с таким усердием вовсе не как источник мифологических знаний. Неумолимо предлагаются мировоззренческие основы общества — есть над чем задуматься, осмысливая чужую активность.

Попробуйте приобрести в отечественной книжной лавке «Слово о полку Игореве» или «Как закалялась сталь», попробуйте приобрести хорошо составленный однотомник Пушкина или Маяковского. Далеко не всегда вам это удастся. И речь не только о литературе художественной. Недавно в течение недели в нескольких городах я искал по книжным магазинам «Манифест Коммунистической партии» и «Конституцию СССР» — не в порядке ревизии, а потому, что понадобилось. Не нашел.

Речь идет об основах. Об устремленности к общему делу и ясности, необходимой в пути. О нашем достоинстве.

Мы с вами очень свободные люди и свободные художники. Мы не любим, когда с нами разговаривают без достаточного почтения. Но в то же время мы бываем паразитально наивными, осмысливая происходящее в сегодняшнем мире. А происходит ведь разное.

Не буду углубляться в тему, но когда американский киноидол Рокки в голливудском представлении лупит в солнечное сплетение советского киночемпиона, а чемпион в красных трусах с серпом и молотом и зовут его Иваном, или когда фильм об убийце коммунистов Рэмбо дает сбор в 32 миллиона долларов за первые шесть дней демонстрации, — это приметы прекрасно срежиссированной и скоординированной враждебной нам (повторяю, именно враждебной) пропаганды. Только два примера.

Времена на свете непростые. Надо очень хорошо знать смысл своей работы и смысл своего единства. При всем нашем разнообразии. Вопросы стратегии — а я пытался говорить о них — важны в том походе, который мы совершаем сегодня, и в тех условиях, которые существуют на свете. У нас мощное гуманистическое искусство. Это признак силы его.

Будем же сегодня сильны, будем же завтра еще сильнее.